

россійскимъ выговоромъ слово Грахвъ, онъ мгновенно вытягивался, закрывалъ глаза, и, можно сказать, замиралъ, а если при какомъ нибудь разговорѣ о другомъ лицѣ до уха его долетало слово графъ, руки его опускались по швамъ и онъ становился въ позу военного челоуѣка, отдающаго честь кому то невидимому. Ему тотчасъ представлялся графъ Панинъ, котораго, иначе какъ Грахвъ, онъ не позволялъ себѣ и называть, забывая въ то время, что есть на свѣтѣ и другіе графы.

Отношенія графа къ подчиненнымъ, не имѣвшимъ непосредственнаго къ нему доступа, были разнообразны.

Надо отдать ему справедливость, что къ состоявшимъ долго на службѣ въ Министерствѣ Юстиціи и Сенатѣ, именно десятки лѣтъ, особенно, если эти лица такое продолжительное время занимали одну и ту же должность, онъ относился съ большимъ уваженіемъ и оказывалъ имъ особое вниманіе и снисхожденіе.

Губернскихъ чиновниковъ, зависѣвшихъ отъ его назначенія, хотя бы они и долго служили, онъ, безъ спроса и предваренія, переводилъ отъ времени до времени съ мѣста на мѣсто, чаще всего равное одно другому на іерархической лѣстницѣ службы. Прочихъ же, какъ на примѣръ уѣздныхъ, онъ не зналъ вовсе, и о нихъ не заботился.

Всякій служебный трудъ, доходившій до его разсмотрѣнія, онъ цѣнилъ по достоинству, и за большую и хорошо исполненную работу, иногда устно, черезъ Топильскаго, а иногда и письменно изъявлялъ свою признательность, которую въ такомъ случаѣ считалъ за высшую награду для трудившагося. Закономъ установленныя почетныя или денежныя награды отъ правительства (послѣднихъ онъ въ особенности не любилъ) шли туго служившимъ тогда въ департаментѣ Министерства Юстиціи и консултанціи (это тоже, что совѣтъ при другихъ Министрахъ) и еще ту же въ Сенатѣ, а по вѣдомству Министерства очень рѣдко, и немногіе удостоивались этихъ наградъ изъ губернскихъ чиновниковъ, уѣздные же не знали ихъ вовсе.

Того, чья работа попадалась неоднократно графу на глаза и ему нравилась, онъ приближалъ къ себѣ. Это приближеніе знаменовалось расположеніемъ его двигать такое лицо довольно быстро по ступенямъ служебной іерархіи. Прежде всего онъ обыкновенно

приказывалъ внести его въ списокъ чиновниковъ, докладывавшихъ дѣла на консультаціи, и возлагалъ на него, сверхъ обязанностей по занимаемой имъ должности, самыя разнообразныя служебныя порученія, исполненіемъ которыхъ былъ особенно заинтересованъ. Возлагая порученія, графъ очень рѣдко, въ самыхъ важныхъ, по его мнѣнію, случаяхъ, допускалъ такое лице до себя, для объясненій. Далѣе этого приближеніе не простиралось. Обратившему на себя его вниманіе приходилось до нѣкоторой степени проститься съ своимъ покоемъ. Онъ лишался его не потому, чтобъ графъ часто отрывалъ отъ дѣла или обременялъ порученіями, а потому, что эти порученія подходили совершенно неожиданно, въ неудобную минуту жизни, когда напримѣръ нездоровится самому или болѣзнь въ домѣ, или нельзя по чему либо покинуть семейство, или наконецъ есть неотложныя хлопоты по домашнимъ дѣламъ. Предупреждать же заранѣе, какъ выше объяснено, о возложеніи порученія не было въ обычаѣ и отказъ отъ него не допускался—тутъ никакія обстоятельства не принимались въ соображеніе. При томъ же эти порученія давались графомъ почти всегда черезъ посредство третьяго лица, поэтому нерѣдко довольно неопредѣленно. Когда, напримѣръ, дѣло шло объ извлеченіи и доставленіи графу какихъ либо свѣдѣній изъ дѣлъ и документовъ, онъ, по своей непрактичности, не умѣлъ чаще всего дать заранѣе самому себѣ отчета въ какомъ видѣ онъ желалъ бы, чтобъ они были ему представлены. Тогда исполнявшему его порученіе приходилось придумывать такую форму и систематическій порядокъ расположенія этихъ свѣдѣній, которые были бы самыми удобными для графа. Иногда Топильской, не усвоивъ себѣ вполне чего требовалъ графъ, передавалъ порученіе въ самыхъ общихъ чертахъ, прибавляя: А ужъ тамъ, какъ надо сдѣлать, придумайте сами. Тогда предстояла трудная задача угадать мысли графа, чтобъ угодить ему. Если порученіе было экстренное, вслѣдствіе, напримѣръ, какого нибудь неожиданнаго событія, которому графъ придавалъ особую важность, онъ требовалъ тайны, рекомендуя Топильскому умолчать о томъ или другомъ и скрыть до времени предъ тѣмъ лицомъ, кому давалось порученіе, въ чемъ оно заключается. Иногда, когда всякій зналъ, что порученіе не можетъ быть возлагаемо иначе, какъ отъ имени графа, онъ посылалъ

Топильскаго передать его тому, кто долженъ былъ его исполнить какъ нибудь *стороной*, такъ, какъ будто оно исходило не отъ графа. Тогда Топильской, при передачѣ порученія, обыкновенно путался, не договаривалъ, и часто изъ словъ его ужъ и совсѣмъ нельзя было понять, чего желаетъ графъ. Затрудненія увеличивались, когда порученіе давалось въ отъѣздъ.

Такъ, въ 1862 году, по донесенію губернскаго прокурора Министру Юстиціи, возникло дѣло о Тверскихъ мировыхъ посредникахъ, возбудившихъ, въ продолженіе исполненія Положеній 19 февраля 1861 года, вопросъ о необходимости обязательнаго для крестьянъ выкупа состоявшихъ у нихъ въ пользованіи земель и о настоятельности немедленнаго отвода ихъ надѣловъ къ однимъ мѣстамъ. Нѣкоторые посредники, по общему согласію, подписали постановленіе, чтобъ представить о томъ высшему правительству. Это было принято въ Петербургѣ за возбужденіе народа противъ власти и за неповиновеніе уставамъ 19 февраля. Дѣло было раздуть. Графъ Панинъ и бывший тогда Министръ Внутреннихъ Дѣлъ представили его такъ, что было повелѣно посредниковъ (которыхъ число было 13) немедленно арестовать и заключить въ крѣпость, съ преданіемъ суду Правительствующаго Сената, а между тѣмъ для разбора дѣла было опредѣлено составить комисію, подъ начальствомъ Генераль-Адъютанта Анненкова, бывшаго тогда государственнымъ контролеромъ, изъ оберъ-прокурора, одного оберъ-секретаря, одного секретаря Сената и сверхъ того депутата отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Будучи тогда оберъ-прокуроромъ Сената, и не зная ничего обо всемъ этомъ, я неожиданно получилъ съ курьеромъ, поздно вечеромъ, записку отъ Топильскаго пожаловать къ нему на другой же день, въ 8 часовъ утра, по приказанію Министра Юстиціи. Проведя ночь въ нѣкоторой тревогѣ, я поспѣшилъ, вставъ очень рано, исполнить приказаніе графа; но, вслѣдствіе разницы моихъ часовъ съ министерскими, опоздалъ ровно на 4 минуты. Топильской встрѣтилъ меня на порогѣ своей квартиры, въ домѣ Министерства Юстиціи, совсѣмъ готовый уже ѣхать за мной, въ мѣховомъ пальто и шапкѣ на головѣ—былъ февраль мѣсяцъ, въ первой половинѣ. Обрадованный и успокоенный моимъ, все-таки своевременнымъ, прибытіемъ, онъ поспѣшилъ ввести меня въ свой кабинетъ, и крѣпко

затворилъ двери. Я, озадаченный его встрѣчей и такой поспѣшностью, спросилъ: Отчего во мнѣ такая экстренная надобность? Топильской сообщилъ, что графъ приказалъ ему передать мнѣ, по секрету, чтобъ я приготовился къ выѣзду, по Высочайшему повелѣнію, въ 24 часа, изъ Петербурга, что графу угодно, чтобъ отъ меня было скрыто до времени по какому случаю я долженъ выѣхать и даже о томъ, куда я поѣду. Хотя я не зналъ за собой никакого проступка, а тѣмъ менѣе преступленія, все-таки въ первую минуту я остолбенѣлъ, а затѣмъ объяснилъ Топильскому, что такое невѣденіе объ ожидающей меня судьбѣ невыносимо. Топильской настаивалъ, что не можетъ сказать ничего больше, что исполнилъ приказаніе графа, который назначилъ мнѣ быть у него въ тотъ же день, въ 6 часовъ по полудни, и намѣренъ самъ сообщить мнѣ все нужное. Я возразилъ, что еслибъ я былъ еще одинъ, мнѣ было бы легче, но у меня семья изъ трехъ дѣтей и молодая жена, что я не буду знать, что отвѣчать ей на ея распросы, что извѣстіе о такомъ моемъ внезапномъ отъѣздѣ можетъ привести ее въ испугъ, опасный здоровью. Тогда Топильской, которой зналъ лично мою жену, Надежду Павловну, рожденную Шишкину, задумался и, предваривъ, что просить хранить все, что будетъ сказано, между нами въ глубочайшей тайнѣ, сообщилъ, что на меня возлагается, по Высочайшему повелѣнію, особое, весьма важное порученіе. На это я замѣтилъ, что это можетъ успокоить меня только въ одномъ, что я выѣду не съ жандармами изъ Петербурга, что узнать объ этомъ конечно ужъ очень много для меня; но что для снаряженія себя въ путь, такъ какъ на дворѣ была еще зима, этого совершенно недостаточно, что если я командируюсь въ даль, а путь, по громадному протяженію Россіи, лежитъ до Камчатки и Курильскихъ острововъ, даже до Сѣверной Америки, то заготовленіе дорожныхъ принадлежностей должно быть одно, а если куда нибудь по близости, то—другое, что для нужныхъ закупокъ я имѣю только одно утро, а послѣ свиданія съ графомъ Панинымъ, когда я окончу свои разъѣзды по дѣлу, на меня возлагаемому, останется только ночь. Эти практическія соображенія сильнѣе всего подѣйствовали на Топильскаго и онъ, говоря съ нѣкоторымъ страхомъ: Между нами, Бога ради между нами, досказалъ мнѣ, что я долженъ выѣхать на другой

же день, съ почтовымъ поѣздомъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ, до мѣста между Петербургомъ и Москвой. Добиваться большаго я ужъ не рѣшился, да конечно и не добился бы. На этомъ я и разстался съ Топильскимъ. Между тѣмъ, какъ мнѣ ска- зывали потомъ, частныя сообщенія по телеграфу между Петер- бургомъ и Москвою были тогда уже прерваны, по особому распо- ряженію, на трое сутокъ.

Послѣ 6 часовъ по полудни (ибо графъ принялъ меня позже, чѣмъ назначилъ) изъ необыкновенной, по оригинальности, устной его инструкціи, которая была тогда же въ точности мною запи- сана и хранится въ моихъ бумагахъ, я узналъ немного болѣе, чѣмъ отъ Топильскаго, именно, что мнѣ надо ѣхать въ Тверь, при Генераль-Адъютантѣ Анненковѣ, къ которому графъ пору- чилъ мнѣ явиться въ тотъ же вечеръ, сказавъ, что отъ него я узнаю положеніе дѣла и тутъ же приказалъ Топильскому сдѣлать распоряженіе о командированіи мнѣ въ помощь оберъ-секретаря и секретаря Сената.

Генераль-Адъютантъ Анненковъ, для свиданія съ которымъ, по приказанію графа, чтобъ только захватить его дома, я поте- рялъ еще нѣсколько часовъ времени, замѣтилъ изъ разговора со мною, что Министръ Юстиціи, мой начальникъ, не передалъ мнѣ обстоятельствъ дѣла и не распорядился даже предъявленіемъ мнѣ бумагъ, изъ которыхъ оно возникло, формализировался и былъ очень сдержанъ въ разговорѣ, такъ что и отъ него я возвратился съ тѣми же скудными свѣденіями о предстоявшемъ намъ дѣлѣ, которыя получилъ отъ графа. Командированные уже совершенно внезапно въ этотъ промежутокъ времени—бывшій оберъ-секретарь 4 гражданскаго департамента Сената, Александръ Николаевичъ Сальковъ, нынѣ Сенаторъ и секретарь 1-го отдѣленія 5 уголовного деп. Сената, Шишкинъ, нынѣ уже умершій, перепуганные еще больше меня, въ неизвѣстности когда, куда и зачѣмъ поѣдутъ, яви- лись ко мнѣ уже въ 3-мъ часу по полуночи. Я не могъ, конечно, сооб- щить имъ для успокоенія ничего больше, какъ то, что мы выѣзжа- емъ на другой день съ почтовымъ поѣздомъ въ Тверь, при Генераль- Адъютантѣ Анненковѣ, производить слѣдствіе надъ тамошними по- средниками по крестьянскому дѣлу, неизвѣстно мнѣ еще за что при- влеченными къ отвѣтственности и по какому именно дѣлу, что по-